

Глаголь Время.

Органъ за свободу и не зависимость.

Еженедѣльные сообщения изъ единовѣрческой жизни.

Цѣна съ доставкой и пересылкой: годовая 5 руб., полугодовая 3 руб., за 1 мѣсяць 50 коп., отдѣльный № 10 к.

Ввиду того, что материалъ по Единовѣрью, его жизни, быту, развитію—накопился въ очень значительномъ количествѣ, Редакція задалась печатать особая приложенія, о чемъ своевременно будетъ опубликовано.

За помѣщеніе объявленій: 20 коп. за мѣсто, занимаемое строкою; повтореніе—по соглашенію; рассылка готовыхъ объявленій 8 руб. съ тысячи за лѣтъ.

Подписка принимается во временной редакціи: СПБ. Николаевская, 22, 2; открыта въ будни отъ 10 до 4 час. веч.

Доставленныя въ редакцію рукописи подлежать, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію; мелкія-же изъ нихъ уничтожаются немедленно.

Писменные объясненія по поводу корреспонденцій и статей, неудобныхъ къ печати, для редакціи не обязательны.

Рукописи, доставляемыя безъ обозначенія условій, поступаютъ въ подное распоряженіе Редакціи.

Для личныя объясненій редакторъ принимаетъ по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 5 до 6 вечера во временной конторѣ Редакціи.

Содержаніе. Очень просто...—Тайна жизни. Свящ. Я. Медвѣдь.—Вдѣтъ... Вас. Чехъ.—Старое солнце. Вуноль—Молебень. Б. Норшуннов.—Вѣзь лучинокъ... В. Подолянинъ.—Церковная реформа.—Вѣсти по епархіямъ. Ед. свящ. Григорій Дрибинцевъ.—Лѣтопись единовѣрческой жизни.—Письма.—Объявленія.

Очень просто...

Смотрить мельникъ—вода вся и уплыла. Мельница стала. А къ рѣкѣ идутъ пить воду куры...

— Ахъ, вы, и бросился за ними съ полѣномъ.

Святые отцы смотрятъ, что рѣка плыветъ да плыветъ...

— Ладно, нашему вѣку хватить.

... Единовѣріе зашевелилось.

Сегодня одно письмо, завтра тысячи...

Одинъ приходъ единовѣрцевъ большого села, душъ болѣе пятисотъ, съ 1902 года, ходатайствуетъ предъ епископомъ своей губерніи о разрѣшеніи строить храмъ.

И чего только не предпринимали? Лично десятки разъ ѣздили выборные къ епископу, толкались цѣлыя недѣли у консисторіи, кланялись, плакали—не идетъ дѣло съ мѣста.

— Вы всѣ російской церкви, какіе вы единовѣрцы, упорствуетъ владыко.

Дѣло въ томъ, что мѣстный священникъ, боящійся лишиться мѣста въ своемъ приходѣ, долженъ былъ ежегодно подавать замѣтку, „что все обстоитъ благополучно, никакихъ сектъ не существуетъ, язычниковъ тоже и единовѣрцевъ тоже“.

Напиши онъ иное, епископъ сейчасъ же уволил бы его.

— Какъ, гнѣвался бѣ владыка, у васъ

не всѣ православные? Такъ какой же вы пастырь?

Что же пастырю остается дѣлать? Показывать номинально, что въ его приходѣ всѣ православные.

Очень хорошо онъ знаетъ, что большая половина села единовѣрцы, къ требамъ не прибѣгаютъ, православную церковь не посѣщаютъ и никакого общенія съ причтомъ не имѣютъ.

А епископъ?

Для бѣднаго священника епископъ—это трепеть, и перспектива эпитимій, отнятія прихода, перевода на противоположный край губерніи—и смиряются мнози, теряютъ свою физиономію, унижаются и такъ далѣе.

Рѣдкій епископъ будетъ говорить съ священникомъ языкомъ человѣческимъ, больше всего—крикомъ, угрозами, полнымъ пренебреженіемъ, даже презрѣніемъ.

Это епископы, на которыхъ благодать идетъ отъ святыхъ Апостоловъ?

Единовѣрцы рѣшили итти въ Петербургъ. Пришли. Кое какъ допустили ихъ къ Оберъ-Прокурору. Тотъ выслушалъ дѣло и просилъ разобрать его въ Синодѣ.

Синодъ состоитъ изъ епископовъ, поэтому и поручилъ дѣло единовѣрцевъ о построеніи храма епископу же; а чтобы ускорить и дать удовлетвореніе ходатаямъ, онъ приказалъ именно тому епископу, который собственно и тормозитъ настоящее дѣло—все же ему

легче разобрать. Если правильно, правильно; если нѣтъ—нѣтъ.

Мудрость змѣй и кротость голубиная.

Ходатаи пошли назадъ, а дѣло за ними послали... въ консисторію.

Въ этомъ учрежденіи, славномъ прошлымъ и великомъ въ будущемъ лежить и зрѣть дѣло единовѣрцевъ о построеніи своего храма и до днесь...

А пока что—единовѣрцы могутъ свободно строить воздушные замки—здѣсь епископы безсильны, какъ и безсильны вліять благотворно на чьи бы то нибыло души.

... И вдругъ...

Письмо Морокина.

„Что вы тамъ очень ужъ заходили и запрашивали, братья? Не много ли вы подносите имъ чести?“

„А не хотятъ ли они насъ совершенно оставить въ покоѣ? или мы не сумѣемъ, наконецъ, устроиться такъ, какъ жаждутъ наши сердца? Или не бросимъ ихъ?“

Языкъ художественный своею краткостью и содержаніемъ. Упорствомъ и рѣшимостью вѣетъ отъ него...

И представляется картина.

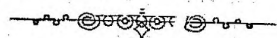
Сидитъ мельникъ и смотритъ, что рѣка плыветъ... Все несется въ ея водахъ... цѣнный лѣсъ... пернатое царство... водяное царство...

Мельница стала. Передъ глазами мельника сухое дно...

А къ рѣкѣ идутъ попить воды куры...

Вѣдь жизнь строить и не такія картины...

Очень просто...

Тайна жизни.

Мы потеряли ее.

Мы не умѣемъ жить сами.

Мы губимъ жизнь кругомъ.

Внутренно несчастные отъ вѣчнаго раздвоенія въ своемъ сердцѣ, разслабленные волею, больные, истерзанные, мы являемся дикими вандалами для жизни и окружающихъ. Подобно жгучему урагану, мы жжемъ всѣ побѣги жизни въ нашихъ ближнихъ, мы не знаемъ, что жизнь человѣческая высшая красота въ мірѣ, что всякій побѣгъ жизни достоинъ высшей заботы и холы. Даже умнѣйшіе изъ насъ только жестокосердые насильники, губящіе жизнь желчью безжалостнаго осужденія и ядомъ сарказма.

Мы не творцы, мы не умѣемъ возвращать луч-

шіе типы жизни, которые своимъ великолѣпнымъ плѣняли бы сердца всѣхъ людей.

Жалкіе въ своемъ ослѣпленіи, мы полагаемъ, что единственно почтенное дѣло есть борьба со зломъ или съ тѣмъ, что мы за такое принимаемъ.

Мы думаемъ, что гнѣвъ и ненависть могутъ что либо создать положительное. О, если бы души наши были полны вдохновенія, мы поняли бы тогда, что въ мірѣ еще много не занятыхъ территорій, на которыхъ можно жить свободно, никого не стѣсняя.

Несчастные рабы окружающихъ формъ жизни мы и вообразить не можемъ о блаженствѣ великодушія—любить своихъ враговъ, благословлять проклинающихъ насъ, благотворить ненавидящимъ насъ, молиться за обирающихъ насъ и гонящихъ насъ.

Богъ любви, повелѣвающей солнцу сіять надъ злыми и добрыми и посылающей дождь на праведныхъ и неправедныхъ, снова отдѣленъ отъ насъ непроницаемою завѣсою.

Какое дѣло служителю любви до чужихъ грѣховъ и преступленій? Ими заниматься некогда, на нихъ тратить свои силы жалко. Добро, возростая и наполняя всѣ формы жизни, равнѣ не въ силахъ сокрушить зло своимъ собственнымъ ростомъ?

Жалкіе межеумки, мы думаемъ, что въ борьбѣ со зломъ все дозволено и что злыми средствами мы создадимъ добро? Превращается ли вода въ желѣзо? или камень въ человѣка? Еще менѣе зло можетъ превратиться въ добро.

Безумный, отрицая зло чужое, не ставь на его мѣсто свое собственное. Карай не чужія злыя дѣла, а создавай добрую волю.

Одурманенный мѣстью и злобою, ты хочешь быть служителемъ добра, богатить другихъ, будучи самъ нищимъ!

Безстыдный, жалкій лицемѣръ!

Увы, намъ недогадаться, что совершающій зло, въ душѣ своей самый несчастный человѣкъ, что тотъ, на котораго мы негодуемъ, достоинъ самаго великаго сожалѣнія за свою слѣпоту, за свое безуміе, за свое ничтожество, за свое безволіе.

И сознавая свое внутреннее проклятіе, быть можетъ, онъ не разъ тѣтено вызываетъ о помощи, но нѣтъ никого, кто бы могъ поддержать этотъ крикъ отчаянія, этотъ послѣдній лучъ надежды.

О, если бы мы услышали тихій призывной голосъ „прійдите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные и я упокою васъ“,—и „я пришесть призвать не праведниковъ, а грѣшниковъ для покаянія“.

О, кто раскроетъ намъ объятія нѣжной, ласкающей любви и не дастъ въ насъ погибнуть послѣдней каплѣ жизни и свѣта; кто покроетъ насъ отъ сокрушающаго урагана всеобщей злобы и озвѣренія. Кто скажетъ намъ,—прійдите ко мнѣ всѣ, жаждущіе; въ моемъ сердцѣ всѣ найдутъ

себѣ мѣсто; ни одного изъ идущихъ ко мнѣ я не прогону вонъ.

Гдѣ мы найдемъ сердце милующее, которое обогрѣетъ правду каждой души съ холою взроститъ всякій добрый порывъ, всякое доброе стремленіе.

Прочь злобные, неистовые, мстительные, праведные въ своемъ самомнѣніи, всѣхъ осуждающіе, на всѣхъ негодующіе. Вы не страдали еще, вы не знаете, что такое ощущеніе гибели и отчаянія.

Но ты душа страдающая, ты, простое человѣческое сердце, еще не увлеченное общимъ потокомъ злобы, ты поймешь нашъ возгласъ.

Гдѣ ты, служитель Христовъ? Гдѣ ты, истинный пастырь Церкви? Прими насъ подъ свое крыло, обогрѣй, будь нашимъ вождемъ и Истинною Дверью, выведи насъ на пажить Христову.

Свящ. Я. Медвѣдь.

Ѣдетъ...

...Бомъ... бомъ...

Гудятъ колокола села Кладбища...

Далеко по Волгѣ несется ихъ призывъ: къ намъ, къ намъ...

Такое впечатлѣніе, будто радость села хочетъ залить собою окружающіе лѣса, степи, горы, самую Волгу... Толпы народа, одѣтаго въ лучшія одежды, съ свѣтлыми лицами—вышли за околицу. Солнце высоко стоитъ на небѣ. Ни облачка. И вѣрится, что оно готово остановиться и раздѣлить съ людьми ихъ радость, позаимствоваться чистотою ихъ сердець, на которыхъ исчезли всѣ когда либо образовавшіеся пятнышки...

На берегу Волги, у пристани, собралось человѣкъ пятьдесятъ мужчинъ и женщинъ. И здѣсь толпа одѣта нарядно, но скромно, больше все въ темныя цвѣта. Одни головные уборы женщинъ спорятъ яркостью красокъ другъ съ другомъ.

Между собравшимися не видно нетерпѣнія, одни только глаза нѣтъ нѣтъ повернутся вправо, пристально всмотрятся въ даль, и только. Собравшись въ нѣсколько группъ и удобно размѣстившихъ на прибрежныхъ камняхъ и травѣ, ожидающіе ведутъ степенная, не громкія рѣчи.

А съ высокой, бѣлой колокольни подъ голубую крышею все дальше и дальше несется призывъ мочуаго колокола.

— Да, други, басомъ повѣтствовалъ старикъ и чуть-чуть вздыхалъ.

Онъ сидѣлъ на травѣ, шаговъ тридцать отъ берега, на откосѣ, а вокругъ него, кто сидя, кто полулежа—кольцомъ расположилось человѣкъ десять.

— Еще я былъ молодъ, лѣтъ двадцати... или нѣтъ, постойте, мнѣ было двадцать два года... да, вѣрно. Такъ вотъ пошелъ слухъ, что къ намъ ѣдетъ Иринархъ. Не повѣрилъ, было, да нашему отцу Іонѣ,

царство небесное за тѣ страданья, что пали на него за свою паству,—вдругъ прислали письмо, что Иринархъ и правда ѣдетъ.

И пошла работа. Какъ разъ это было о сю пору, хлѣба поспѣли, каждый не покладалъ рукъ... Всѣ рѣшили до его приѣзда справиться, значить. И справились.

— Гм... произнесъ кто то.

— Да, а Иринархъ не приѣхалъ.

Старикъ умолкъ.

Слушатели были серьезны, нѣсколько даже строги въ лицахъ. Видно было, что это касается ихъ такъ же прямо, какъ будто бы они сами ожидали Иринарха.

— Дѣдушка Власій, дѣдушка, высокою ноткою понеслось съ пристани.

На мосткахъ стоялъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, въ синемъ картузѣ и бѣлой рубашкѣ, поднявъ кверху обѣ руки.

...Ѣдетъ...

Какъ одинъ человѣкъ рванулась толпа къ пристани. Нѣкоторые сняли шапки, нѣкоторые крестились...

Вдали виднѣлся пароходъ. Его бѣлые бока, заливаемые волнами рѣки, претворились въ золото. Изъ желтой трубы вился свѣтло сѣрый дымъ и безконечною лентою стлался позади парохода... На палубѣ виднѣлись люди. Кто то махалъ бѣлымъ платкомъ.

Каждая минута для ожидающихъ казалась часомъ. Пристань замерла. Однѣ мягкія волны плескались о берегъ, перекачивались по песку и тихо сбѣгали въ рѣку... Кое гдѣ слышался скрипъ трущихся досокъ.

Даже сѣрые кони, ожидавшіе съ коляскою ѣдущаго, стояли тихо, не взирая на жаркое солнце, и лишь прядали ушами.

Отецъ протоіерей, взобравшись на подножку коляски и закрывъ ладоней руки глаза отъ солнца—всматривался въ идущій пароходъ.

Еще немного и пароходъ подходилъ уже къ пристани. Сталъ. Спустили сходни. Впереди шелъ въ монашескомъ одѣяніи и въ черномъ клобукѣ архіерей Григорій. Его поддерживалъ высокій блондинъ, тучный, въ блестящей на солнцѣ рясѣ. Небольшая свита шла сзади.

На пристани архіерея окружили. Онъ улыбался неопредѣленною улыбкою—не то ласковою, не то усталою. Благословивъ подошедшее духовенство и перекинувшихъ съ нимъ нѣсколькими словами, онъ началъ благословлять мірянъ. Чинно, но быстро, подходили къ нему люди, цѣловали руку и отходили въ сторону.

— Сюда, ваше преосвященство, суетится отецъ протоіерей, склоняя голову и быстро идя впереди архіерея.

— Иванъ, крикнулъ онъ кучеру коляски.

Коляска подѣхала.

Кряхтя и держась обѣими руками за край верха, поддерживаемый отцомъ протоіереемъ и высокимъ блондиномъ, архіерей взобрался въ коляску и грузно сѣлъ. Ему подали посохъ.

— Садитесь, пригласилъ онъ отца протоіерея.

Тотъ быстро вскочилъ въ коляску и сѣлъ на самый край сидѣнья.

— Иванъ, поѣзжай, тонкимъ голосомъ крикнулъ отецъ протоіерей кучеру.

Коляска уѣхала.

Оставшіеся отцы наперерывъ приглашали въ свои экипажи высокаго блондина. Отдувая щеки и бросая опытный взглядъ на предлагавшіеся экипажи, онъ избралъ рессорную бричку отца Никиты.

Не меньше вниманія удѣлялъ от. Никита своему гостю, чѣмъ о. протоіерей архіерею. Онъ тоже старался поддержать его подъ руку, хотя тотъ однимъ шагомъ былъ уже въ бричку. Усѣвшись совершенно свободно, онъ облегченно вздохнулъ и облокотился на мягкіе края брички.

Вереница экипажей потянулась въ гору. Впереди ѣхалъ о. Никита со своимъ гостемъ, а за нимъ прочіе съ остальною свитою владыки.

Народъ бѣжалъ за коляскою архіерея и не отставалъ. Мальчики и дѣвочки впереди толпы, взрослые и сильные не отставали, но старики могли только итти — ноги отказывались бѣжать...

Коляска въѣхала въ село. Направо стоялъ бѣлый храмъ съ голубыми куполами и желѣзными крестами. Могучій колоколь неумолчно лилъ свои звуки.

Отъ храма, на встрѣчу владыкѣ, пошелъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ сѣдой священникъ, худой, высокаго роста. Густая толпа народа окружала его плотною стѣною. Лица у всѣхъ были серьезныя и блѣдныя...

Коляска начала сворачивать къ нимъ.

Вдругъ о. протоіерей что то сказалъ архіерею, тотъ выглянулъ изъ коляски, сдѣлалъ на себѣ крестное знаменье...

Коляска круто взяла влѣво и помчалась дальше.

Ужась сковалъ члены остановившихся въ своемъ шествіи людей. Толпа, бѣжавшая за коляскою, тоже остановилась.

Мимо нихъ проѣхала бричка о. Никиты съ высокимъ гостемъ, а за ней и другіе экипажи.

Легкія облака пыли, не гонимые вѣтромъ, медленно расплзались въ воздухъ и ложились по краямъ дороги.

— Братъ, низкимъ голосомъ съ дрожью — произнесъ сѣдой батюшка.

— Пойдемъ въ храмъ и обождемъ владыку. А ты, Дмитрій, обратился онъ къ псаломщику, не уходи съ дороги и наблюдай.

— Хорошо, отецъ Дометій, и псаломщикъ, надѣвъ картузъ, перешелъ дорогу и усѣлся на траву. Нѣкоторые пошли за нимъ и тоже сѣли рядомъ. Многіе вошли въ храмъ за о. Дометіемъ.

О. Дометій прошелъ въ алтарь, положилъ крестъ на престолъ и сѣлъ въ кресло у боковыхъ дверей. Свѣсивъ свою сѣдую голову на грудь и закрывъ глаза, онъ сталъ недвижимъ.

Долго ли онъ такъ сидѣлъ, неизвѣстно, но когда открылъ глаза — передъ нимъ стоялъ Дмитрій.

— Отецъ Дометій, ѣдутъ...

Быстро вставъ и взявъ крестъ въ руки, онъ пошелъ изъ храма.

Толпа людей, безъ шапокъ, съ блѣдными лицами, стояла и ждала своего батюшку.

Солнце склонялось уже къ закату. Небо было чистое, блѣдно голубое. Жара спала — приятный, охлаждающійся воздухъ бодрилъ сердца.

— Идемъ, братья и сестры, тихо произнесъ о. Дометій и пошелъ на дорогу.

Издали неслась на нихъ коляска. Сѣрые лошади бѣжали дружно и быстро.

О. Дометій остановился по срединѣ дороги. Народъ окружилъ его и молча ждалъ.

Вотъ коляска архіерея остановилась.

— Дайте же дорогу, тонкимъ голосомъ произнесъ о. протоіерей.

О. Дометій подошелъ къ коляскѣ.

— Ваше преосвященство, произнесъ онъ и голосъ дрогнулъ, ваше преосвященство! соблаговолите побывать въ нашемъ храмѣ.

Владыка началъ сходить... Сошелъ уже...

— Мы, единовѣрцы, владыко, душевно жаждемъ...

— Какіе единовѣрцы? вскрикнулъ архіерей. Съ кѣмъ единовѣрцы? Я не знаю — съ кѣмъ вы единовѣрцы: можетъ съ татарами или іудеями...

Съ этими словами онъ поспѣшно взобрался въ коляску, усѣлся поудобнѣе и... уѣхалъ...

Народъ, пораженный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, казалось, потерялъ способность двигаться.

О. Дометій, молча, вошелъ въ храмъ, положилъ крестъ на престолъ, снялъ съ себя новыя ризы и тихо опустился на ступени амбвона.

— Прости, Господи Христѣ, меня недостойнѣйшаго іерея... Прости и...

По лицу струились слезы... Губы дрожали...

Долго сидѣлъ о. Дометій на ступеняхъ со сложенными на груди руками. Солнце бросило въ окно послѣдній лучъ свѣтлаго, голубого дня...

Вас. Чехъ.

Старое солнце *).

Беседа I-ая.

Ко мнѣ пришелъ мой товарищъ по университету — нѣкто Сергѣевъ. Мы съ нимъ не видались лѣтъ семь, съ самаго окончанія курса. Въ университетѣ я его любилъ за его нѣжную, отзывчивую душу, по потомъ потерялъ изъ вида. Зналъ я такъ же, что онъ старообрядецъ. И это въ моихъ глазахъ придавало ему какое-то особое, пожалуй даже, таинственное значеніе. Словомъ, я радъ былъ его увидѣть...

Меня удивило, что онъ пришелъ въ священнической одеждѣ, которая, впрочемъ, очень шла къ его одухотворенному, тонкому, аскетическому лицу, свѣтлымъ какъ лень длиннымъ волосамъ и голубымъ большимъ блестящимъ глазамъ. Оказалось, послѣ университета онъ пошелъ въ ду-

*) Бесѣды эти печатаются изъ газеты „Русь“.

ховную академію, кончилъ ее и теперь въ провинціи священствовалъ у единовѣрцевъ.

— Печать забыла насъ, — говорилъ онъ мнѣ своимъ грустнымъ, тихимъ голосомъ, — нигдѣ ни одного слова. Столбцы посвящаются инородцамъ, а намъ, исконно русскимъ людямъ...

— Только не это названіе... — шутливо сказала я.

Онъ задумчиво улыбулся:

— Я такъ и зналъ, что вы вскинетесь... Я еще хотѣлъ сказать „истинно русскимъ“... Да ужъ что васъ волновать... Нѣтъ, безъ шутокъ. Насъ какъ ни считать, а есть милліоновъ двѣнадцать: Такъ, если вы подумаете, можно ли обо всей этой массѣ говорить какъ о чемъ то опредѣленно политически-цѣломъ? Не хитро, что среди двѣнадцати милліоновъ найдутся и лѣвые, и правые и центръ и все, что хотите... Судящіе воѣхъ старообрядцевъ по поступкамъ отдѣльныхъ ихъ членовъ совершенно упускаютъ изъ вида, что „платформа“, дѣйствительно объединяющая насъ, вовсе не есть платформа политическая... Религіозно мы однообразны — это правда, и религіозная „платформа“ наша, если можно такъ выразиться, дѣйствительно объединяетъ насъ, опредѣленно отмежевывая насъ отъ прочаго населенія, но политическія воззрѣнія ея не предусматриваются и каждому изъ насъ въ этомъ направленіи она предоставляетъ полнѣйшую свободу дѣйствій... Вы простите, что я такъ подробно вамъ это объясняю, но ужъ слишкомъ наболѣло... Все время, то слѣва, то справа, слышишь упреки неосновательные.

— Вы вотъ все время говорите „мы — старообрядцы“ — сказала я; — а вѣдь между тѣмъ вы единовѣрецъ... Кромѣ же единовѣрія есть и еще толки; и главное, какъ мнѣ представляется, всѣ эти отдѣльные толки не слишкомъ ладятъ между собою?

Онъ внимательно выслушалъ меня и отвѣтилъ послѣ большого раздумья.

— Вы совершенно правы... Толковъ много: есть поповцы, бевпоповцы, бѣгло-поповцы, единовѣрцы. Это крупнѣйшіе. И между собою мы во многомъ расходимся... Но есть у насъ несчастія, которыя насъ соединяютъ... Мое дѣло мнѣ, конечно, ближе другихъ и я скажу прежде про единовѣрцевъ: я лично въ настоящую минуту переживаю очень мучительное время. Единовѣрцевъ упрекаютъ въ томъ, что они предали старое православіе, присоединившись къ никоніанской церкви; говорятъ и, сознаюсь, съ полнымъ основаніемъ, что они нарушили свою историческую миссію, отойдя отъ раскола, ослабивъ его... Особенно гадкимъ въ этомъ мнѣ кажется то, что когда въ 1784 году отпаденіе совершилось, то отъ раскольниковъ отбирали церковное имущество и передавали его намъ. Въ настоящее время многіе изъ насъ это уже сознали и многіе предсказываютъ, что мечъ вынутый нами, обратится и противъ насъ; почитается будто бы тѣмъ, что отберутъ и наши иму-

щества и передадутъ ихъ тѣмъ, кто предастъ насъ...

— Развѣ есть и такіе! — невольно вырвалось у меня.

— Есть — отвѣтилъ онъ неохотно. Исторія повторяется: предатели зрѣютъ въ средѣ стараго православія...

— Впрочемъ — прибавилъ онъ живо — я не держусь послѣдняго опасенія, Богъ дастъ и обойдется... Но, повторяю, лично мнѣ положеніе единовѣрческой церкви кажется невыносимымъ. Она отпала отъ стараго православія, а къ новому не примкнула... Перенести нельзя ея одиночества и дѣйствительно, если мы не примкнемъ къ прежнему нашему обществу, изъ котораго мы вышли, расколъ и самый тяжелый, самый позорный расколъ неизбеженъ. Но я не хочу и думать, чтобы это могло совершиться...

Вотъ это наше — единовѣрческое — горе, наше горе, наше несчастіе... Къ счастью, оно подобно несчастіямъ и прочимъ толковъ и можетъ быть излечено однимъ и тѣмъ же лекарствомъ...

Для добыванія этого лекарства мы и должны и можемъ объединиться... почему теперь съ вами я и говорю „мы — старообрядцы“... Я вѣдь имѣю въ виду это общее лекарство...

— А каково все-таки, несчастіе другихъ толковъ?

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— А вотъ я поясню вамъ примѣромъ, который вамъ все сразу расскажетъ. Представьте себѣ, что вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ, собрались представители различныхъ старообрядческихъ толковъ.

Что они будутъ дѣлать?

— Думаю, что будутъ усердно спорить, — отвѣтилъ я.

— Совершенно такъ; и спорить усердно и, быть можетъ, даже усердно ссориться... Но, допустите, что вдругъ въ эту же комнату вошелъ православный священникъ... Тогда? — онъ подождалъ съ минуту моего отвѣта, а затѣмъ, докончилъ самъ: — Тогда, всѣ до одного не сговариваясь, сразу соединятся противъ вошедшаго... Поняли?

Я разомъясился. Примѣръ дѣйствительно вышелъ нагляднымъ.

— Вы не думайте, что мы сами ничего не предпринимали до сихъ поръ для того, чтобы добиться своего... О, нѣтъ: въ отсутствіи энергіи насъ никогда не упрекали: нельзя упрекнуть и теперь. Мы боремся всѣми способами, которые только имѣются въ нашемъ распоряженіи: дошли уже и до того, что журналы начали издавать съ полемической цѣлью; вотъ не угодно ли:

Онъ передалъ мнѣ тетрадку журнала называющагося „Правда православія“. Я перелисталъ его; горячія, искреннія статьи; глубокіе на душу берушіе вопросы:

— Какъ это онъ такъ проходитъ для читательской среды незамѣтно?

— Вотъ, то-то — незамѣтно! Ваше общество и

ваши газеты объ немъ ничего и не знаютъ. А власти подлежащія слѣдятъ за нимъ весьма внимательно и, пользуясь тѣмъ, что объ насъ и объ нашихъ журналахъ никто ничего не знаетъ, дѣлаютъ съ нами, что хотятъ... Вѣдь этотъ журнальчикъ уже не существуетъ...

— Какъ такъ?

— Да очень просто. Власть выразила свое неудовольствие, ну и готово дѣло: у насъ это просто. А вы обратите вниманіе хотя бы вотъ на выдержки изъ книги Пругавина; онѣ многое вамъ пояснятъ въ нашемъ разговорѣ: здѣсь записаны нѣкоторыя разсужденія, которыя заставляютъ раскольниковъ отпадать, по ихъ словамъ, отъ церкви. Не угодно ли: (читаетъ статью о Чельцова о появленіи сектантства въ №№ 11—13).

Чтеніе выдержекъ, напечатанныхъ въ старообрядческомъ журналѣ, скрѣпленныхъ подписью передоваго православнаго пастыря, подтвержденныхъ, слѣдовательно, обѣими сторонами, меня неожиданно и глубоко взволновало.

Изъ за бурной, утомительной сумятицы нашей жизни, сплошь состоящей изъ нервной, запальчивой борьбы, въ которой зачастую и конечную цѣль забываешь въ пылу увлеченія, изъ за кроваво-краснаго тумана нашей повседневины, стѣнной передъ нами ставшей, вдругъ глянуло на меня простое и мощное старое солнце русское.

Та же упорная, неумолимая мысль, та же благоговѣйная честность, та же настойчивая потребность найти истину и жить по истинѣ... Старая, прекрасная русская душа, со своимъ вѣчнымъ, спокойнымъ, мощнымъ протестомъ противъ неправды, та душа, которая рукой нестоваго пропотопта Аввакума, полусгнившаго въ сырой земляной темницѣ, писала царю Федору про его отца, царя Алексѣя.

„Богъ судить между мной и Алексѣемъ. Въ мукахъ онъ сидитъ (въ аду) слышалъ я отъ Спаса: то ему за свою правду...“*)

Товарищъ мой съ живымъ любопытствомъ наблюдалъ за моимъ лицомъ, на которомъ, вѣроятно, я не сумѣлъ скрыть охватившаго меня волненія.

— Старое вспомнили?—спросилъ онъ.

— Да, старое...

— Я радъ очень, что вспомнили. Вы русскій человекъ и васъ не можетъ не волновать эта мученическая борьба, длящаяся столѣтіями... Старое, то видите-ли, и теперь то же. Не измѣнилось... Какъ были при царѣ Алексѣѣ, да Федорѣ, такими же мы и остались... Не въ насъ ли сохранилась истинная Русь?

Я ничего не отвѣтилъ; онъ принялъ молчаніе мое за сочувствіе его словамъ и не ошибся...

— Послушайте, да вѣдь указами 17-го апрѣля и 17-го октября вамъ даны всякія права и льготы—сказалъ я уже передъ тѣмъ, какъ распрощаться. Онъ только рукой махнулъ.

— Вотъ если дѣйствительно нашъ вопросъ васъ заинтересовалъ и, если вы захотите отдать ему время и трудъ, я васъ познакомлю съ нашими представителями; вы сами увидите.

На этомъ мы съ нимъ и разстались.

Бесѣда 2-я.

— Товарищъ мой,—говорилъ я, указывая на Сергѣева,—увѣряетъ меня, что не все у васъ въ быту ладно, хотѣлось бы вамъ въ немъ кое-что и переименовать.

Видный представитель единовѣрія, у котораго мы находились, человекъ аскетической внѣшности, сильный и нервный, руками всплеснулъ на мои слова:

— Одинъ ли отецъ Сергѣевъ вамъ это скажетъ!.. Да вы любого изъ старообрядцевъ спросите, каково ихъ житье-бытье, такъ вамъ поразкажутъ...

— А права? Льготы? 17-е апрѣля, 17-е октября 1905 года?

— Вы добавьте еще 17-е октября 1906 года, когда подписанъ Высочайшій указъ о новомъ законѣ для старообрядцевъ и все-таки...

— Что все-таки?

— Законъ читали?

— Читалъ.

— Отмѣтили что-нибудь?

— Признаться, нѣтъ: вопросъ слишкомъ сложный, я не юристъ...

— Ну вотъ я вамъ безъ подробнаго разбора укажу только то, что и въ печати нашей, старообрядческой отмѣчено. Пунктъ 6-ой: „Если въ дѣятельности общины обнаруживаются дѣйствія, противныя закону и ограждающимъ нравственность постановленіямъ, то губернаторъ и градоначальникъ, приостановивъ собственною властью дѣйствіе общины, о закрытіи ея предлагаетъ на разрѣшеніе губернскаго или областного правленія“

Пунктъ 18: „Приобрѣтеніе общинами недвижимо имущества на сумму свыше 5 т. р. допускается не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія“.

— Итакъ, съ одной стороны губернаторъ, которому предоставлено опредѣлять основы правственности, а въ видѣ рѣшающей инстанціи—губернское правленіе, то есть тотъ же губернаторъ.

Съ другой стороны ограниченіе стоимости недвижимости общины въ 5 т. р. Что выше—то на усмотрѣніе. А какую недвижимость можете вы приобрести въ городѣ за 5 т. р.?

Эти два пункта уже не позволяютъ намъ уснуть нашу обычную подозрительность по отношенію къ правительству. Такъ написано, что по прежнему, мы цѣликомъ у чиновничества въ кулакѣ: нужны мы ему—разожмутъ кулакъ, миновала надобность сожмуть... Ужъ, извините, слишкомъ много насъ обманывали...

— Развѣ такъ?

Собесѣдникъ мой только искоса взглянулъ на меня:

*) За это письмо Аввакумъ былъ сожженъ живымъ.

— Дозвольте, въ такомъ случаѣ, кратчайше изложить вамъ исторію единовѣрія въ Россіи съ точки зрѣнія искренности отношенія къ нему русскаго правительства. Унію мы приняли, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, ради пріобрѣтенія священниковъ. При императрицѣ Екатеринѣ II намъ было обѣщано: желаете имѣть своихъ поповъ, примайте унію, спасайте душу. Приняли въ 1874 году. Принявъ унію, говоримъ: „Дозвольте теперь намъ поповъ“. Намъ отвѣчаютъ: „Извольте, но для этого надо вамъ поселиться въ Новороссіи“. Потемкинская дипломатія: черезъ него все дѣло шло. Мы, конечно, въ смущеніи. „Зачѣмъ же въ Новороссіи? Объ этомъ въ уніи не говорено?“ „Ну, какъ желаете. Въ Новороссіи будутъ попы, а здѣсь не будетъ поповъ“. И такъ до 1789 года, пять лѣтъ, униатскіе попы, какъ нѣкій рѣдкій фруктъ произрастали лишь на поляхъ Новороссіи. Кто же изъ единовѣрцевъ не желалъ туда ѣхать, тому предоставлялось или умирать безъ требъ, или идти обратно въ расколъ. Старики же наши, коренные старообрядцы, которыхъ мы, можно сказать, предали ради поповъ, намъ, конечно, указывали: „видите для чего вы нужны правительству: для заселенія Новороссіи, а далеко не для спасенія души“. Это для начала-съ.

Затѣмъ съ 1784 года по годъ 1789 упорная отчаянная борьба за осуществленіе уніи. Наконецъ добились кое чего, пути вамъ, полагаю, изъ исторіи небезызвѣстны.

Въ 1800 году наконецъ, по предложенію вѣчной памяти императора Павла I представляемъ всеподданнѣйше проектъ закона о старообрядцахъ, состоящій изъ шестнадцати пунктовъ, нами составленныхъ. Можете повѣрить—въ этихъ шестнадцати пунктахъ мы всѣ наши бѣды предусмотрѣли. И—вотъ торжество!—27 октября подписаны Его Величествомъ наши 16 пунктовъ, безъ измѣненія. „Быть по сему“. Однако, черезъ мѣсяца три получается и новый указъ, тоже отъ 27 октября 1800 года, и тоже изъ нашихъ шестнадцати пунктовъ и тоже съ подписью „Быть по сему“, но противъ каждаго пункта митрополитомъ Платономъ сдѣланы примѣчанія... Представляете себѣ, какія примѣчанія?

Вуноль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Молебенъ.

На дняхъ я былъ участникомъ простаго, скромнаго, обыкновеннаго торжества. Одна торговая контора праздновала пятилѣтіе своего существованія. Въ воскресный день было рѣшено отслужить молебенъ, а затѣмъ устроить для служащихъ завтракъ.

Сдвинули столы и конторки, накрыли большой столъ, уставленный закусками и батареей бутылокъ, затеплили лампаду передъ маленькимъ образомъ и праздникъ былъ готовъ.

Старенькій священникъ съ удивительно симпатичнымъ лицомъ и грустными глубокими глазами служилъ молебенъ, и его мягкій голосъ, тихій и ясный, проникалъ въ самую душу. Кругомъ стояли служащіе, принарядившіеся по случаю праздника и на ихъ лицахъ было тоже написано удовольствіе и чувствовалось, что сегодня праздникъ „ихъ“ конторы, той конторы, которой они отдавали все свое время, свое здоровье и которая за это платила имъ ежемѣсячно по маленькой стопочкѣ золота.

Чинно шелъ молебенъ, а зади, сверкая бутылками, ждалъ гостей убранный столъ. Окропили водой стѣны, большую несгораемую кассу, чтобы деньги больше водились, и усѣлись за трапезу.

Все оживилось. Потирая руки, мелкими шажками, подошелъ къ священнику хозяинъ и усѣлся рядомъ, и батюшка, съ повеселѣвшимъ лицомъ, поправляя на груди крестъ съ крупными драгоценными камнями, съ видимымъ удовольствіемъ высматривалъ любимыя закуски.

— Очищенной, батюшка,—ухаживалъ хозяинъ.—Смирновка, теперь это рѣдкость.

— Скажите?—удивился священникъ.—Ну, отецъ дьяконъ, выпьемъ по единой.

Выпили, закусили. Становилось шумно, глаза разгорались и развязнѣ шелъ разговоръ.

Я сидѣлъ рядомъ со священникомъ, слушалъ его, смотрѣлъ на его симпатичное лицо и все болѣе убѣждался, какой хорошій человекъ и собесѣдникъ онъ долженъ быть. И въ то же время что то больно давило мнѣ сердце и не давало говорить съ нимъ такъ, какъ съ другими.

— Ну, еще по единой, смѣялся священникъ, закусывая икрой. „Славный старикъ, какъ священникъ, славный—какъ человекъ, въ чемъ же дѣло?—мучительно думалъ я.—„Отчего же я не могу говорить съ нимъ, смѣяться какъ съ другими? А вѣдь онъ интеллигентнѣе многихъ здѣсь!“

И, наконецъ, я поймалъ мою мысль. Дѣло во времени, вотъ въ чемъ! Слишкомъ былъ рѣзокъ контрастъ, слишкомъ быстръ переходъ отъ молитвы Богу къ выпивкѣ. Случалось мнѣ бывать со священниками въ разныхъ обстоятельствахъ и никогда я не чувствовалъ себя неловко и это потому, что я не видалъ ихъ за минуту передъ тѣмъ молитвенниками и служителями Бога.

Я началъ приглядываться къ окружающимъ и тоже видѣлъ, какъ они не то съ удивленіемъ, не то неодовѣрчиво относились къ славному старичку.

— А онъ сидѣлъ довольный, порозовѣвшій и улыбаясь говорилъ!

— А ну ка еще единую!

И я понялъ всю нелѣпость положенія священства. Отрѣзанные отъ внутренней мірской жизни своей паствы, священство, естественно, все же хочетъ пожить ея удовольствіями, ибо священники такіе же люди и ничто людское имъ не чуждо.

Но входъ туда запрещенъ. Театры, концерты—закрыты; многое, что не только доставляетъ удовольствіе, но и облагораживаетъ душу — имъ чуждо. Я

понялъ ясно всю тяжесть подобнаго запрещенія и вытекающую отсюда ненормальность.

— Какъ поступилъ бы я, какъ поступили бы ты-сячи другихъ людей на мѣстѣ этого священника?— спрашивалъ я себя и чувствовалъ, что поступилъ бы именно такъ, какъ онъ. Быть можетъ, онъ и понималъ всю неловкость контраста, но онъ остался, потому что для него былъ слишкомъ великъ соблазнъ побыть въ чужомъ недоступномъ для него обществѣ, увидѣть какъ веселятся люди, о благополучіи которыхъ душа его и сердце такъ горячо молятся.

Будь открыты ему всѣ удовольствія, небудь запрещеннымъ плодомъ, который сладокъ, онъ сказалъ бы: „Братья мои, сегодня я среди васъ какъ смиренный служитель. Я молился о васъ, мысль моя о Богѣ и я не могу уже веселиться съ вами радостью земли. Пройдетъ время, я снова буду такимъ, какъ вы—тогда съ удовольствіемъ раздѣлю общее ваше веселье“ И ушелъ бы.

Мнѣ было больно и грустно. Я смотрѣлъ на его славный, симпатично очерченный ротъ, съ такимъ чувствомъ просившій Господа о дарованіи намъ блага и такъ смѣявшійся теперь.

Кассиръ сидѣлъ за роялемъ, принесеннымъ изъ ресторана снизу и отчаянно колотилъ по клавишамъ.

Скачущіе, отрывистые звуки кекъ-уока заглушали шумъ и смѣхъ, а старшій бухгалтеръ съ ремингтонисткой выдѣлывали замысловатые па-дикаго танца. И въ глазахъ батюшки свѣтилось дѣтское удовольствіе, милая улыбка играла на устахъ подъ его съдыми усами; а славный задушевный голосъ спрашивалъ:

— Это что же, новый танецъ?.. Да, да, слышалъ, слышалъ, не довелось только видѣть.

Въ ухахъ у меня стоялъ его голосъ — мягкій, гармоничный, нѣжный...

Я слышалъ: о мирѣ всего міра...

Было грустно, грустно...

Б. Норшунновъ.

Безъ лучинокъ...

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствіе первое краткое, такъ какъ и дѣйствующія въ немъ лица отличаются похвальною краткостью.

Большой залъ. На серединѣ столъ. Кругомъ стулья и на нихъ сидятъ почтенные люди. Кресты на серебряныхъ и золотыхъ цѣпяхъ, панаци, ленты, фракы... Передъ каждымъ писчая бумага, карандашъ. Нѣсколько чернильницъ.

Встаетъ одинъ пастыръ и начинаетъ говорить. Въ залѣ тихо. Однако рѣчь мало внятна, нѣкоторые члены прижимаются къ столу, поворачиваютъ головы.

Можно уловить часть рѣчи: „Объявили собраніе, пригласили хлыстовъ и вели съ ними не то

диспуты, не то споры. Хлысты смѣялись, дѣлали обидныя замѣчанія, напримѣръ: когда ведшій бесѣду священникъ началъ увѣщавать, что хлысты плохо живутъ, не признавая брака и не имѣя дѣтей, то одинъ изъ аудиторіи возразилъ: „да вы сами, батюшка, не хлысты, дѣтей не имѣли и не имѣете, а намъ говорите жить въ бракѣ и имѣть дѣтей“.

Батюшка не зналъ, что отвѣтить. Этотъ фактъ былъ опубликованъ другимъ батюшкою, на котораго и начался походъ отъ лица имѣвшаго бесѣду съ хлыстами.

Порывисто поднялся виновникъ распространенія этого факта и...

Шумъ, гамъ покрыли залъ...

Слышалось: „вы написали мнѣ оскорбительное письмо“; „вы отвѣтили еще болѣе оскорбительно“; „вы подсмѣялись надо мною“; „вы говорите не такъ, потому что фактъ остался фактомъ и я только сдѣлалъ его извѣстнымъ для иллюстрацій — что, дескать, нужно идти съ фундаментами подъ ногами...“.

Занавѣсъ спущенъ.

Дѣйствіе второе, не длиннѣе перваго, дабы соблюсти мѣру и вызвать гармонию между „пѣсней длинной“, о приходѣ профессора Азова и „сказкою про бѣлаго бычка“ Кузьмы Пруткова.

Освѣщенный электричествомъ залъ. Душно. Чинно сидятъ вокругъ застланнаго сукномъ стола собравшіеся и ждуть.

Поднимается „наука“ и начинаетъ лить свѣтъ свой.

Больше, больше. Темнѣетъ электричество, дрожить, колеблется.

„Наука“ льетъ: приходъ самъ по себѣ, церковь и ея имущество сами по себѣ, а все это принадлежитъ церкви. Все принадлежитъ церкви, церковь и ея имущество сами по себѣ, приходъ и его имущество сами по себѣ...

Электричество начинаетъ уже тухнуть.

Сидѣвшая рядомъ старая „казанская“ наука улыбается саркастически...

Встаетъ одинъ мужъ и говоритъ: позвольте, если у меня въ карманѣ рубль, то никому до этого нѣтъ дѣла—даже государству...

Электричество ярко вспыхнуло и освѣтило вновь сидѣвшихъ за столомъ.

Легкая тѣнь остатковъ „науки“ бросилась и заметалась по яркой комнатѣ... Исчезла...

Занавѣсъ спущенъ.

Дѣйствіе третье—весьма картинное.

Благодушно настроены собравшіеся. Лица довольныя, веселыя. Слышна мирная бесѣда между сосѣдями за столомъ. Молодой батюшка поднялъ вопросъ о простотѣ, о сокращеніи прибытковъ, о мѣрахъ для лѣченія аппетитовъ... Слово за сло-

вомъ... Постепенно къ его рѣчи начинаютъ при-слушиваться другіе съ крайнихъ мѣстъ... Еще минута—и всѣ внимательно слушаютъ.

Онъ кончилъ. Кончилъ мягко, нѣжно, подобно прикосновенію страусоваго пера.

Молчаніе...

Вдругъ поднимается батюшка — житель гористой Финляндіи... Воздухъ горъ освѣжилъ его лицо.

„А позвольте сказать... И началъ: не откажемся ли мы отъ квартиръ въ семь или десять комнатъ при храмахъ? Не откажемся ли отъ ваннъ? Отъ электричества? отъ каретъ? поваровъ? лошадей? Есть ли еще у насъ сила сказать: будемъ жить такъ, чтобы никто не показалъ на насъ пальцемъ? будемъ ѣсть ни больше, ни меньше—ровно столько, чтобы жить и служить...“

Рѣчь его была прекращена крикомъ и протестомъ...

И полились на него потоки мутныхъ словъ; и посыпались камни „своей правды“...

Митрополитъ протянулъ руку и прекратилъ дѣйствіе.

Занавѣсъ спущенъ.

Дѣйствіе четвертое—умноженіе, болѣе близкое къ дѣйствительной жизни, хотя математики—фантазеры говорятъ о дѣленіи, забывая одно, что копейка рубль бережетъ, а стыдъ не дымъ... Впрочемъ, послѣднее скорѣе изъ области практической морали...

„Пять рублей, пять рублей“..

И сверкнули глаза, оживились лица, голоса все громче и сильнѣе звучали.

Услужливая рука поднесла собранію бумагу для „скрѣпленія“, что я, членъ этой залы, далекъ отъ протеста, если мнѣ дадутъ пять умноженное на пять, но только съ нулемъ... нуль, какъ извѣстно, значенія не имѣетъ...

Впрочемъ, нашлись лица, не только подтвердившіе на примѣрѣ, что математика оканчивается дѣленіемъ, но постарались еще и пять съ нулемъ раздѣлить на точное число своихъ посѣщеній зала, такъ что явились протестанты...

„И что за диво эти протестанты! возмущался одинъ членъ, пожимая плечами и нервно запахиная полы своей вишневаго цвѣта рясы...“

Но занавѣсъ опустился.

Всѣ встали и начали уходить. Залъ опустѣлъ. Вскорѣ вошелъ человекъ въ поношенномъ пиджакѣ и со щеткою въ рукахъ. Онъ остановился и окинулъ комнату бѣглымъ взглядомъ. Ключки бумажекъ, мелкихъ, какъ снѣгъ, валялись всюду. Стулья въ безпорядкѣ толпились то тамъ, то здѣсь.

Человекъ вздохнулъ, покачалъ головою и заворчалъ недовольно.

Къ чему это сорить столько? Кому нужна мелко-изорванная бумага? Оставили бы бумагу какъ есть—на худой конецъ—спичекъ коробку дадутъ. Нѣтъ, изорвать ее, бросить по всему залу, а мнѣ—мети, собирай и въ печку...

Ну, хотя печь тепло безъ лучинокъ...

В. Подольнинъ.

Церковная реформа.

(Продолженіе).

VI. Отношеніе православной церкви къ правительственной власти.

4) Государю Императору представляется отчетъ о дѣлахъ церковныхъ за истекшій годъ.

5) Съ соизволенія Государя Императора созывается установленнымъ порядкомъ повременный соборъ.

6) Повременный соборъ представляет на благоусмотрѣніе Государя Императора о своемъ выборѣ первоіерарха русской церкви; въ случаѣ суда надъ нимъ, приговоръ суда также представляется на благоусмотрѣніе Государя.

7) Чрезвычайный всероссійскій соборъ и повременные соборы представляют свои постановленія на благоусмотрѣніе Государя Императора чрезъ предсѣдателя своего. Равнымъ образомъ и постоянный священный синодъ входитъ своими докладами къ Государю Императору въ потребныхъ случаяхъ также чрезъ своего предсѣдателя.

8) На чрезвычайномъ всероссійскомъ соборѣ и на повременныхъ соборахъ, если на нихъ Государю Императору не благоугодно будетъ присутствовать лично, съ Его соизволенія присутствуетъ представитель Его Величества.

9) Въ священномъ соборѣ Государь Императоръ имѣетъ своего представителя въ лицѣ оберъ-прокурора, который наблюдаетъ за согласіемъ постановленийъ и рѣшеній синода съ требованіями закона; при несоотвѣтствіи таковыхъ съ закономъ, обращаетъ на это вниманіе синода и затѣмъ, въ случаѣ несогласія священнаго синода съ высказаннымъ заключеніемъ, всеподданнѣйше о семъ докладываетъ Его Величеству.

10) Какъ представитель Государя—защитникъ церкви, оберъ-прокуроръ священнаго синода участвуетъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ въ обсужденіи, а въ соответствующихъ случаяхъ и въ рѣшеніи церковно-общественныхъ дѣлъ и вопросовъ какъ законодательнаго, такъ и исполнительнаго характера, подлежащихъ разсмотрѣнію сихъ постановленийъ.

II) Оберъ-прокуроръ священнаго синода не входитъ въ составъ Совѣта министровъ.

V. Духовно-учебныя заведенія. Съ общимъ вопросомъ о благоустройствѣ церковной жизни въ Россіи тѣсно связанъ вопросъ о соответствующемъ устройствѣ духовно-учебныхъ заведеній, какъ главныхъ расадниковъ православнаго пастырства. Общепризнанными недостатками духовно-учебныхъ заведеній

являются ихъ сословность и несоответствующая задачамъ этихъ заведеній постановка учебнаго и воспитательнаго дѣла, вслѣдствіе чего воспитанники семинарій оказываются и мало подготовленными къ пастырскому служенію и не имѣющими удовлетворительнаго общаго образованія. Преобразование духовно-учебныхъ заведеній составляетъ предметъ ближайшихъ заботъ высшей церковной власти. Предварительно кореннаго преобразования, признаны неотложно необходимыми и вводятся нынѣ же, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 3-го сентября текущаго года, на основаніи ст. II основныхъ государственныхъ законовъ, нѣкоторые частныя измѣненія въ учебно-воспитательномъ строѣ духовныхъ семинарій и училищъ, направленные, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы поднять общеобразовательный уровень этихъ учебныхъ заведеній. Въстѣ съ тѣмъ признано необходимымъ улучшить содержаніе личнаго состава служащихъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, примѣнительно къ штатамъ министерства народнаго просвѣщенія. Для полнаго же уравненія служащихъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія съ служащими въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія назначеніемъ прибавокъ прослужившимъ болѣе 15-ти лѣтъ въ размѣрѣ 380 руб. и повышеніемъ платы за добавочные уроки, а также для увеличенія содержанія служащимъ въ духовныхъ академіяхъ и женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, предоставлено оберъ-прокурору святѣйшаго синода войти съ ходатайствомъ въ Совѣтъ Министровъ о разрѣшеніи внести въ законодательномъ порядкѣ представленіе объ ассигнованіи особаго кредита на удовлетвореніе этихъ потребностей изъ средствъ государственнаго казначейства, со внесеніемъ онаго въ дополнительную финансовую смѣту святѣйшаго синода на 1907 г. и съ обращеніемъ на тѣ же средства и тѣхъ прибавокъ, которыя нынѣ временно будутъ приняты на счетъ духовно-учебнаго капитала.

VI. Отношеніе церкви къ инославнымъ и иновѣрнымъ. Въ виду пзмѣнившагося отношенія государства, по закону 17-го апрѣля 1905 г., къ инославнымъ и иновѣрцамъ, были обсуждаемы въ VI отдѣлѣ предсоборнаго присутствія вопросы: а) о единовѣрціи, б) о старообрядчествѣ, в) о сектахъ, г) о магометанахъ и д) о язычникахъ, и имѣютъ быть сужденія по вопросамъ о единовѣрческомъ епископатѣ, о церковной дисциплинѣ по отношенію къ старообрядцамъ и сектантамъ, объ обращеніи съ особыми воззваніями къ старообрядцамъ и сектантамъ, о миссіонерскихъ мѣрахъ по отношенію къ сектамъ мистическимъ и другимъ.

VII. Мѣры къ огражденію православной вѣры христіанскаго благочестія отъ неправыхъ ученій и толкованій. Въ виду объявленнаго манифестомъ 17-го октября 1905 г. свободы печати и въ огражденіе православной вѣры и христіанскаго благочестія отъ возможнаго при семъ распространенія сочиненій противорелигіознаго и противонравственнаго содержанія, VI отдѣломъ предсоборнаго присутствія выработаны

правила церковнаго наблюденія за произведеніями печати.

VIII. Объ устройствѣ церковныхъ дѣлъ въ грузинскомъ экзархатѣ. Независимо отъ предстоящаго по особому Высочайшему повелѣнію рассмотрѣнія вопроса объ автокефаліи грузинской церкви на всероссійскомъ соборѣ, святѣйшимъ синодомъ предположенъ рядъ нижеслѣдующихъ мѣръ къ благоустройству церковнаго управленія и духовныхъ школъ въ экзархатѣ:

1) Въ видахъ возстановленія полноты власти епархіальныхъ архіереевъ экзархата нынѣ же преобразовать епархію имеритинскую, гурійско-мингрельскую и сухумскую въ самостоятельныя епархіи. При всѣхъ самостоятельныхъ епископахъ экзархата образовать, въ соответствіе съ существующими внутри Россіи, духовными консисторіями, епархіальныя управленія; грузино-имеритинскую синодальную контору преобразовать такимъ образомъ, чтобы таковая, въ составѣ трехъ постоянныхъ членовъ, исполняла функціи духовной консисторіи при экзархѣ, а въ составѣ всѣхъ епископовъ экзархата, коихъ именовать членами конторы, подъ предѣдательствомъ экзарха Грузіи, — функціи церковнаго учрежденія, коему подвѣдомы всѣ епархіи экзархата. Члены конторы созываются экзархомъ Грузіи, по мѣрѣ надобности, два или три раза въ годъ. Вѣдѣнію конторы въ означенномъ составѣ подлежатъ слѣдующія дѣла: а) обсужденіе общихъ мѣръ къ охраненію и распространенію православія на Кавказѣ, къ возвышенію нравственно-религіознаго состоянія пастырей и паствы и рассмотрѣніе дѣлъ сего рода съ донесеніемъ о важнѣйшихъ святѣйшему синоду; б) жалобы на административныя распоряженія архіереевъ, какъ со стороны духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ; в) жалобы духовныхъ лицъ на административныя взысканія, наложенныя на нихъ епархіальными архіереями; г) жалобы духовенства на судебныя рѣшенія епархіальныхъ начальствъ, кромѣ тѣхъ, кои подлежатъ рѣшенію святѣйшаго синода; д) дѣла по распредѣленію между епархіями экзархата суммъ, ассигнуемыхъ изъ казны и синодальныхъ специальныхъ средствъ. По всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ рѣшенію святѣйшаго синода, епархіальные архіереи входятъ въ святѣйшій синодъ съ представленіями чрезъ экзарха Грузіи. 2) Ускорить окончательнымъ постановленіемъ по дѣлу объ устройствѣ церковныхъ школъ экзархата. 3) Усилить въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ экзархата преподаваніе церковно-грузинскаго богослужебнаго языка и мѣстнаго церковнаго пѣнія, взаимнѣ церковно-славянскаго языка, озаботиться упражненіемъ воспитанниковъ въ проповѣдничествѣ на мѣстныхъ языкахъ и ознакомленіемъ ихъ съ порядкомъ совершенія богослуженій на мѣстномъ богослужебномъ языкѣ. 4) Образовать на мѣстѣ комиссію для перевода библіи на мѣстные языки и для изданія, въ потребномъ для приходѣ количествѣ, церковно-богослужебныхъ книгъ и церковнопѣвческихъ сборниковъ.

Вѣсти по епархіямъ.

Единоувѣріе въ Витебской губерніи.

Возникновеніе единоувѣрія въ Полоцкой епархіи относится къ 50 гг. минувшаго столѣтія. Около этого времени въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Динабургѣ (нынѣшній Двинскъ) и др. мѣстахъ были открыты единоувѣрческія церкви для обращенныхъ изъ раскола старообрядцевъ.

Дѣло единоувѣрія въ большинствѣ приходоу на первыхъ же порахъ было поставлено неправильно, а потому св. соединенство не могло оказывать благотворнаго вліянія на мѣстный расколъ. Первые единоувѣрческіе священники были люди крайне ограниченныя, дѣлались православными и получали священныи санъ изъ-за матеріальныхъ выгодъ, въ душѣ же оставались безпоповцами.

Прихожане-единоувѣрцы подѣ вліяніемъ такого рода пастырей постепенно охладѣвали къ храму и уходили въ расколъ. Нѣкоторыя единоувѣрческія церкви въ концѣ концовъ оказались при нѣсколькихъ десяткахъ прихожанъ, какимъ-то чудомъ оставшихся въ единоувѣрїи. Большая часть прихожанъ фактически опять стала принадлежать расколу, хотя въ силу законовъ официально считалась при церкви. Единоувѣрческіе батюшки нисколько не препятствовали такому порядку вещей. Они записывали въ метрическую книгу акты крещеній, дѣтей же крестили наставники; также поступали съ брачными записями, т. е. записывали браки, не вѣнчая ихъ, такимъ образомъ, узаконяли среди своихъ прихожанъ блудное сожитіе. Если иной разъ и вѣнчали, то вѣнчали заочно. О. К.—тъ однажды совершилъ обрядъ вѣнчанія надъ двумя прихожанами, которые въ то время жили въ Ригѣ, нерѣдко также совершалъ литургію на пустыхъ сосудахъ. Вполнѣ естественно, что при подобныхъ пастыряхъ Полоцкое единоувѣріе влачило жалкое существованіе. Нѣкоторыя церкви пришлось закрыть или обратить въ православныя, такъ какъ прихожане уклонились въ расколъ. Впослѣдствіи хотя и бывали на фонѣ Полоцкаго единоувѣрія отрадныя картины, но чрезъ нѣкоторое время они всетаки тускнѣли и пропадали.

Въ 1872 году Полоцкую епархію посѣтилъ съ проповѣдью о. архим. Павелъ Прусскій. Ему удалось въ Двинскомъ и Рѣжицкомъ уѣздахъ присоединить къ единоувѣрїю нѣкоторыхъ безпоповцевъ и основать въ дер. Рубенишкахъ, Двинскаго уѣзда, единоувѣрческую церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы (впослѣдствіи перенесена въ с. Якубино). Проповѣдь знаменитаго въ безпоповствѣ „инока Павла“ пробудила въ мѣстныхъ старообрядцахъ жажду исканія истины и основанныи имъ приходъ ежегодно пополнялся новыми членами. Въ это же время трудами іеромонаха Мелитона (рѣдкій труженикъ, человекъ святой жизни) возникъ единоувѣрческій приходъ въ с. Тискадахъ, Рѣжицкаго уѣзда. Въ 1878 году тамъ

была освящена новая церковь. Движеніе среди мѣстныхъ безпоповцевъ въ пользу единоувѣрія разро-сталось.

Но Господу Богу было угодно послать испытаніе новымъ чадамъ св. церкви. Въ Тискадахъ безвременно умираетъ всѣми любимый о. Мелитонъ и въ теченіе долгаго времени несчастный приходъ испытываетъ на себѣ жестокаго гоненія отъ „ніконіанскихъ“ и „оніконіанившихся“ пастырей. Будучи назначаемы на приходъ епархіальною властью, послѣдніе не желали считаться съ мѣстными обычаями единоувѣрцевъ. Одинъ изъ нихъ, не переносившій „дикаго“ унисоннаго пѣнія, завелъ хоръ, который подѣ руководствомъ сына священника-учителя мѣстной церк.-приходской школы и исполнялъ въ церкви разныя италіанскія „тру-ля-ля“, древлеправославному слуху зѣло противныя. Другой (тоже изъ бѣлорусцевъ) заставлялъ прихожанъ молиться троеперстно, штрафовалъ псаломщиковъ за каждую допущенную ими въ силу привычки „ошибку“: „Исусъ“, „во вѣки вѣкомъ“ и т. п. А одного прихожанина, дерзнуваго замѣтить новшества, священникъ посадилъ подѣ арестъ... Хуже всѣхъ однако поступилъ съ вышеозначеннымъ приходомъ свой же братъ-единоувѣрецъ, о. К. Л.-нъ. Сей неразумный ревнитель реформъ п. Никона, перейдя на Тискадскій приходъ, проявилъ прямо жестокость и бессмысленное упорство по искорененію духа староцерковности. Лѣстовки, подручники и т. п. преслѣдовались немилосердно и при всякомъ удобномъ случаѣ высмѣивались, старопечатныя книги были заперты на ключъ, къ шкафу приложена была церковная печать; для богослуженія были выписаны новыя книги, по нимъ о. ревнитель не по разуму заставлялъ тискадцевъ читать и пѣть въ церкви. Прихожане въ ногахъ валялись у о. К., прося его „не дурить“, а служить по старымъ книгамъ. — „Книги эти бѣсъ писалъ!...“—былъ отвѣтъ пастыря. Къ счастью этотъ новаторъ перешелъ на другой приходъ. Но возвращеніе къ старинѣ совершилось все же не скоро. Въ дѣло долженъ былъ вмѣшаться мѣстный миссіонерскій комитетъ, обратившій вниманіе на искаженіе службы въ единоувѣрческіхъ церквахъ. Въ Тискады былъ назначенъ о. Г. Ч.—въ, который сталъ служить по старому.

Приходится положительно удивляться, какимъ образомъ удержалось единоувѣріе въ Тискадахъ при такомъ яростномъ гоненіи на него со стороны неразумныхъ ревнителей новаго обряда. Плоды реформаторской дѣятельности тискадскихъ священниковъ весьма замѣтны. Разшатанныи о. Мелитонъ и его учениками мѣстный расколъ снова окрѣпъ и теперь борьба съ нимъ почти невозможна *).

Не лучше обстояло дѣло и въ другихъ приходоу. Единоувѣріе помалось повсемѣстно. Вышеупомянутый о. К. Л.-нъ два раза былъ перемѣщаемъ въ другіе единоувѣрческіе приходы, пока, наконецъ, *по настоя-*

*) Въ настоящее время тискадскій приходъ имѣетъ пастыря преданнаго идеѣ единоувѣрія и правильно понимающаго его задачи.

нио миссіонерскаго комитета не былъ перемѣщенъ въ православный приходъ.

Въ 1895 году была освящена новая единовѣрческая церковь въ с. Липушкахъ, Рѣжицкаго уѣзда. Въ 1902 году открытъ Данышевскій единовѣрческій приходъ въ Двинскомъ уѣздѣ. Здѣсь церкви пока нѣтъ, богослуженіе совершается въ простой крестьянской избѣ.

Большинство церквей матеріально бѣдны; чувствуется недостатокъ въ приличной утвари, иконахъ, кроковыхъ книгахъ и т. п.

Такимъ образомъ, Полоцкое единовѣріе въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ. Всѣхъ церквей въ епархіи десять. Изъ нихъ—двѣ въ Витебскѣ и по одной—въ Полоцкѣ, Двинскѣ, въ сс. Стеревневѣ и Лутнѣ Невельскаго уѣзда, въ сс. Якубинѣ и Данышевкѣ Двинскаго уѣзда, въ сс. Тискадахъ и Липушкахъ, Рѣжицкаго уѣзда. Единовѣрцевъ во всѣхъ приходахъ насчитывается до 4000 д. обоего пола. Единовѣрцы Полоцкой епархіи представляютъ изъ себя безправную забитую массу; къ ихъ голосу никто не прислушивается и съ ихъ мнѣніемъ никто не считается. Они давно уже лишены правъ, Высочайше дарованныхъ правилами 1800 г. и указомъ св. синода отъ 5 апрѣля 1845 года. Назначенія, перемѣщенія священно и церковно-служителей совершается безъ вѣдома, а иногда и противъ желанія прихожанъ; единовѣрческіе церковные старосты обязаны руководствоваться „инструкціей“; единовѣрцы не имѣютъ права возразить что либо по поводу различныхъ сборовъ и поборовъ, въ большинствѣ случаевъ ничего общаго съ единовѣріемъ не имѣющихъ. Долгое время единовѣрческія церкви были лишены своего ближайшаго ходатая и заступника передъ епископомъ — благочиннаго и только въ 1904 году „возстановлено“ благочиніе единовѣрческихъ церквей. Духовная консисторія вопреки указу св. синода отъ 5 апрѣля 1845 г. время отъ времени налагаетъ свою тяжелую десницу на бѣдныя единовѣрческія церкви. Такъ въ началѣ текущаго года во всѣ единовѣрческія церкви были разосланы новыя книги для описей церковнаго имущества. Консисторія потребовала за нихъ по 5 коп. съ листа и по 50 коп. за переплетъ, въ общемъ 8—9 руб. съ каждой церкви. Для многихъ бѣдныхъ церквей эта плата являлась непосильной и староста одной церкви, основываясь на вышеуказанномъ указѣ св. синода, призналъ присылку означенныхъ книгъ и требованіе за нихъ непомѣрной платы — неблаговиднымъ вторженіемъ въ церковно-хозяйственную жизнь единовѣрія, нарушающимъ Высочайше дарованныя ему права и отказался исполнить требованіе консисторіи. Возникло „дѣло“. Въ концѣ концовъ указомъ консисторіи старостѣ предписано было „немедленно исполнить распоряженіе епархіальнаго начальства объ уплатѣ денегъ за книги для описей и на будущее время въ исполненіи своихъ обязанностей руководствоваться инструкціей церковнымъ старостамъ“, особенно §§ 5 и 37-мъ, т. е. согласно послѣднему § „безотлагательно высылать обя-

зательные, (будто бы для единовѣрческихъ церквей) сборы на духовно-учебныя заведенія и т. п.

Таковы въ настоящее время отношенія епархіальной власти къ нашему многострадальному единовѣрію.

Обезличенное и стѣсняемое отовсюду, Полоцкое единовѣріе естественно не можетъ расти и развиваться, особенно въ то время, когда церковные плевелы охраняются гражданскими законами. Это ясно для всякаго непредубѣжденнаго церковнаго дѣятеля. Исходъ изъ ненормальнаго положенія можетъ быть одинъ.—Это удовлетвореніе вѣковыхъ чаяній единовѣрцевъ видѣть у себя единомышленныхъ епископовъ. Они, охраняя древле-русскій церковно-богослужебный обычай единовѣрцевъ, не допускали бы вторженія въ единовѣрческую среду всего того, отчего страдаетъ единовѣріе нашихъ дней. Этимъ была бы принесена великая польза св. православной церкви.

Единовѣрческій священникъ *Григорій Дрибинцевъ.*

Лѣтопись единовѣрческой жизни.

Съ конца апрѣля 1905 г. С.-Петербургскіе единовѣрцы по дѣлу о епископѣ собирались почти каждую недѣлю. Въ одно изъ своихъ собраній они выбрали для удобства комитетъ изъ старостъ трехъ столичныхъ единовѣрческихъ церквей: Никольской, что на Николаевской ул., Никольской, что на Захарьевской, и Дмитріевской, что на В. Охтѣ. Этимъ лицамъ они поручили съестись по вопросу о епископѣ съ провинціальными единовѣрцами. Надежда устроить въ это время единовѣрческій съѣздъ не оправдалась. Петербургскимъ единовѣрцамъ оставалось завязать сношенія съ прочими единовѣрцами чрезъ особо посланныхъ для этой цѣли людей. Комитетъ долженъ былъ подыскивать этихъ людей, а во 2-хъ изыскивать средства для ихъ поѣздки, и въ 3-хъ дать имъ соответствующія инструкціи.

Въ поискахъ за нужными людьми старосты обратили преимущественное вниманіе на ихъ преданность единовѣрію. Просили поѣхать тѣхъ, кои больше всего любили св. старожитность. Особенно упрасивали отправиться по провинціальнымъ единовѣрцамъ Князя Алексея Алексѣевича Ухтоменнаго. Послѣдній, хотя посѣщалъ единовѣрческій храмъ съ небольшимъ какъ годъ, но обнаружилъ за этотъ періодъ времени очень много усердія, любви и совѣтательнаго отношенія къ Староправославію. Князь, не смотря на трудность предложенія, пошелъ на встрѣчу нуждамъ Единовѣрія. Принялъ просьбу единовѣрческихъ старостъ г. С.-П. съ обещаніемъ по возможности исполнить ее. Другой человѣкъ, которому выначъ жребій поѣхать по вѣстамъ единовѣрческихъ посещеній—это Викторъ Алексѣевичъ Поляковъ. Вудучи казакомъ по рожденію и живя въ дѣтствѣ въ г. Уральскѣ, онъ проникся чувствомъ уваженія къ церковному быту единовѣрцевъ. Обучаясь въ академіи, онъ съ великимъ усердіемъ посѣщалъ единовѣрческій 4-хъ Евангелистовскій храмъ въ г. Казани. Принималъ тамъ участіе въ чтеніи и служеніи. Какъ таковой, онъ не могъ быть не замѣченъ единовѣрцами. И когда пришла пора павти всей душой преданное единовѣрію и въ то же время болѣе или менѣе образованное лицо, что

нѣтъ ничего удивительнаго, что выборъ палъ на него. Правда, лѣтъ ему было не много.—Въ это время было года 22—23. По вѣдѣ ап. Тимофѣй, несмотря на свою молодость, поставленъ же былъ апостоломъ языковъ во епископы. Третьимъ посломъ отъ имени единовѣрцевъ г. СПб. былъ уставщикъ Никольской едн. ц. г. СПб. Григорій Ѡмичъ Громовъ. Этотъ выбранъ былъ какъ опытный человекъ, бывавшій и раньше во многихъ единовѣрческихъ мѣстностяхъ и приходахъ.

Отправляя избранныхъ людей, старосты каждому изъ нихъ вручили по довѣренности за своими подписями и церковными печатами. Содержание этихъ довѣренностей таково. „Предъавитель Н имѣетъ отъ насъ—церковныхъ старостъ единовѣрческихъ церквей г. С.-Петербурга довѣрие собирать подписи желающихъ принять участие въ ходатайствѣ предъ Правительствомъ о дарованіи единовѣрцамъ особаго единовѣрческаго епископа и о назначеніи на это мѣсто Антонія, Епископа Волынскаго и Житомирскаго. 1905 года, 20 Мая г. С.-Петербурга. Никольской единовѣрческой церкви, что въ Николаевской улицѣ, н. д. старосты потомственный почетный гражданинъ Филиппъ Павловичъ Кручининъ. Вольше-Охтенской, Покровско-Димитріевской церкви, церковный староста потомственный почетный гражданинъ Григорій Ивановичъ Савдинъ. Николо-Миловской единовѣрческой церкви, что въ Захарьевской улицѣ, староста потомственный почетный гражданинъ Павелъ Григорьевичъ Гулинъ“.

Кромѣ довѣренности каждому изъ выбранныхъ вручено было по нѣсколькимъ экземпляровъ проекта прошенія Петербургскихъ единовѣрцевъ. Послѣдніе еще на первыхъ порахъ составили такого рода просьбу въ св. Синодъ.

Единовѣрческіе приходы отличаются отъ православныхъ приходовъ монастырскимъ укладомъ церковной жизни. Въ нихъ, напримѣръ, очень живо чувствуется иноческое отношеніе настоятеля и братіи. Прихожане, какъ и братія обители, избирать себѣ настоятеля и вмѣстѣ съ нимъ управляютъ свое приходской общиной. На лицѣ въ этой приходской единовѣрческой общинѣ и соборные монастырскіе старцы, избранные попечители, ближайшіе совѣтники ктиторы и настоятеля храма. Въ единовѣрческихъ приходахъ, если благоприятствуютъ обстоятельства, блюдетъ и дисциплина монашеская, высокое уваженіе къ авторитету духовнаго отца, послушаніе его воли, исполненіе его заповѣдей. Въ единовѣрческихъ церквахъ и само Богослуженіе совершается по иноческому чину, безъ опущеній, съ сохраненіемъ всѣхъ его подробностей, какъ оль указать въ Типиконѣ. Въ единовѣрческихъ храмахъ тотъ же порядокъ, какимъ отличаются монастырскіе храмы отъ прочихъ приходскихъ православныхъ великороссійскихъ храмовъ.

Монастырь воздвигаетъ духъ благочестія, уничтожаетъ же качественно и количественно духъ похотности. Духъ благочестія болѣе, чѣмъ когда-либо нуждается въ поддержкѣ и своемъ укрѣпленіи среди Русскаго народа. Несчастная война съ Японіей—явное наказаніе Господомъ русскихъ людей за ихъ беззаконія. Религіозно-правственное оскуднѣніе проникло и въ нашу среду. Молодое поколѣніе стремится такъ же, какъ и въ православныхъ приходахъ, совершенно освободиться изъ подъ церковной опеки и жить по своей воли, а не Господней, святой.

Мы, нижеподписавшіеся, усерднѣе просимъ сохранить указанное устройство единовѣрческихъ приходовъ, какъ нѣкоторые оазисы въ гладкой благочестіемъ пустынѣ. Волимъ душой и скорбимъ сердцемъ, види распаденіе единовѣрческихъ

приходовъ и ихъ монастырскихъ укладовъ жизни, нашихъ вѣрныхъ охранителей молодого поколѣнія. Нѣкоторые единовѣрческіе священники, поддерживаемые нерѣдко своимъ епархіальнымъ начальствомъ, нарушаютъ устои единовѣрческой—старобрядческой церковной жизни, разоряютъ нашу иноческую общинную жизнь, ослабляютъ дисциплину, искажаютъ и сокращаютъ наше Богослуженіе, однимъ словомъ, обезличиваютъ наши приходы и лишаютъ ихъ того, чѣмъ они похожи на монастыри и чѣмъ они отличаются отъ прочихъ приходовъ Русской православной Церкви.

Чтобы сохранить Единовѣріе—этого блюстителя старорусской церковной жизни, необходимо оградить единовѣрческіе приходы отъ невѣжественной руки нарушителя, необходимо, какъ нѣкоторую важную отрасль въ дѣлахъ церкви, сосредоточить вѣдѣніе единовѣрческими общинами въ рукахъ самого Св. Синода. По всей вѣроятности не по однимъ лишь матеріальнымъ расчетамъ подчинены самому Синоду такъ называемые ставропигіальные монастыри. Мы убѣждены, что послѣдніе подчинены высшему духовному началу потому, что желательно болѣе надежною рукою охранять древнія монастырскія традиціи, духъ благочестія въ знаменитыхъ обителяхъ.

Управленія ставропигіальными монастырями самимъ Синодомъ не считается со стороны Св. Синода нарушеніемъ епархіальной власти епископовъ. Устройство иноепархіальныхъ обителей монастырскихъ подворій въ городѣ С.-Петербургѣ не считается съ точки зрѣнія высшей духовной власти уничтоженіемъ прерогативъ С.-Петербургскаго владыки-митрополита. Мы надѣемся, что не будетъ посягновеніемъ на епископскія права епархіальныхъ архіереевъ и сосредоточеніе управленія дѣлами единовѣрія въ рукахъ самого Синода.

Святѣйшій Синодъ болѣе компетентенъ въ области единовѣрія, чѣмъ епархіальный епископъ. Многіе епархіальные архіереи еще до сихъ поръ смотрятъ на единовѣріе, какъ на полурасколъ, какъ на переходную лишь ступень къ православію. Единовѣріе, по ихъ мнѣнію, лишь терпимо, а потому съ легкимъ сердцемъ искореняютъ его приходы, обезличивается ихъ жизнь, хотя духъ монастырско-общиннаго направленія въ области вѣры заслуживаетъ много отношенія. Высочайшимъ указомъ отъ 17 апрѣля сего года дана свобода исповѣданія своей вѣры всѣмъ старообрядцамъ. Свобода по всей вѣроятности для того, чтобы то хорошее, что заключается въ ихъ убѣжденіяхъ хотя бы въ самой малой частицѣ, росло и по мѣрѣ своихъ силъ создавало въ русскомъ обществѣ духъ благочестія. Мы считаемся сынами православной Церкви (воззваніе Св. Синода къ единовѣрцамъ въ 1900 году). Почему бы и намъ не дать свободы для проявленія той благодѣтельной силы, какая таится въ глубинѣ Единовѣрія, почему бы не дать ему быть не только тенлинымъ растеніемъ, посаженнымъ въ 1800 году въ тѣсныя рамки м. Платона? Единовѣріе достойно, чтобы жить на просторѣ, и какъ долго находившееся въ неблагоприятныхъ условіяхъ, нуждается въ изытіи изъ всей его прежней обстановки по управленію.

Есть миссія епархіальная, но въ экстренныхъ случаяхъ есть миссія синодальная. Единовѣріе для продолженія своего полезнаго существованія нуждается въ радикальныхъ средствахъ. Епархіальное управленіе для него недостаточно. Епархіальные владыки тяготеютъ единовѣрческими приходами, игнорируютъ ихъ, отдавая ихъ вопреки Высочайшему указу 5 апрѣля 1845 года и 6 пункту правилъ Единовѣрія въ распоряженіе духовныхъ консисторій и обще-православныхъ благо-

чинныхъ. Но православные благочинные и духовныя консисторіи, кромѣ бумажной тяготы, ничего не вносятъ въ жизнь едновѣрцевъ. Въ своихъ указахъ и отношеніяхъ они повторяютъ давно стжившія представленія объ Едновѣрїи (Указъ Московской духовной консисторіи въ началѣ 1905 года). Не оживляютъ едновѣрческіе приходы и едновѣрческіе благочинные. Они по большей части безпрекословные проводники взглядовъ на Едновѣрїе своего епархіальнаго епископа и его консисторіи, старающихся подогнать едновѣрческіе приходы подъ уровень общеправославныхъ приходовъ. Не лучше будетъ, если ему дать въ нѣкоторыхъ городахъ викарныхъ едновѣрческихъ епископовъ. Примѣръ тому Самарская епархія. Тамашій викарный епископъ живетъ въ едновѣрческомъ Иргизскомъ монастырѣ и считается архіереемъ, поставленнымъ между прочимъ и для управленія едновѣрческими дѣлами. Оживленія Едновѣрїи въ названной епархїи однако нѣтъ. Одно лишь прозябаніе. Всѣ едновѣрческіе приходы, за исключеніемъ двухъ-трехъ, отписались отъ викарнаго едновѣрческаго архіерея и приписались по управленію опять къ епархіальному. Этими они засвидѣтельствовали то, что лучше жить въ тепличномъ, но ровномъ воздухѣ чѣмъ, правда, на болѣе свободномъ, но часто мѣняющемся.

Подчиненные едновѣрческому викарному епископу едновѣрцы принуждены будутъ жить подъ вліяніемъ двухъ, не всегда сходныхъ направлений епархіальнаго архіерея и его викарія, отъ него однако зависимаго.

Потомъ викарные епископы не могутъ управлять дѣлами едновѣрцевъ другихъ епархій. Въ каждой епархїи, такимъ образомъ, придется просить архіерей, но это не по силамъ; въ нѣкоторыхъ епархїяхъ едновѣрческихъ церквей меньше десятка.

Засимъ едновѣрческіе викарные епископы въ виду естественной и вполне понятной изъ предыдущаго бѣдности своихъ кафедръ не займутъ такого положенія, которое могло бы привлечь на ихъ мѣста выдающихся лицъ.

Эти мѣста не будутъ далѣе переходными къ самостоятельнымъ кафедрамъ, а потому будутъ заниматься людьми средними. Епископъ, дѣлающійся викарнымъ едновѣрческимъ архіереемъ для того, чтобы съ теченіемъ времени сдѣлаться самостоятельнымъ православнымъ епископомъ, въ глазахъ едновѣрцевъ потеряетъ всякое довѣріе и авторитетъ.

Едновѣрїе, наконецъ, не столь нуждается въ архіерейскомъ едновѣрческомъ служенїи, въ поставленїи священниковъ исключительно отъ руки едновѣрческаго архіерея, сколько оно нуждается въ однообразномъ управленїи, невозможномъ при многихъ викарныхъ архіереяхъ. Едновѣрїе болѣе всего жаждетъ просвѣщеннаго архипастырскаго, авторитетнаго неизмѣннаго и строго постояннаго вліянія на его духовенство, опустившееся до уровня простыхъ трабасправителей.

Едновѣрческіе викарные архіерей, набранные изъ необразованныхъ едновѣрческихъ протоіереевъ, не произведутъ особеннаго подъема въ едновѣрїи, не проявятъ необходимой въ настоящее время инициативы въ примиренїи съ старообрядцами-отщепенцами и не обнаружатъ его значительной силы, заключающейся не въ обрядовыхъ его особенностяхъ, а въ устояхъ строго-монастырскаго благочестивой жизни.

Оживить едновѣрїе, поддержать въ немъ, для проведенія въ дѣйствительность, идеалы старо-русской церковной общины можетъ только самъ Св. Синодъ съ его свѣтлымъ взглядомъ

на Едновѣрїе, какъ тоже Православіе, но съ нѣкоторыми особенностями отъ прочихъ приходовъ Русской Церкви.

Едновѣрїе страдаетъ отъ своей разрозненности. Онъ разсѣянъ по всей Россїи. Въ каждой епархїи, каждый едновѣрческій приходъ занимаетъ изолпванное положеніе по отношенію къ другому едновѣрческому приходу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые изъ нихъ уже не имѣютъ того привлекательнаго образа, какой они носятъ. По отдѣльности каждый изъ нихъ не можетъ отстоять и сохранить своего облика; при неблагоприятномъ въ данномъ случаѣ давленїи со стороны епархіальной власти и ея органовъ онъ теряетъ его. Въ виду своего религіозно-нравственнаго раздѣленія члены даннаго прихода охотно примыкаютъ къ общему теченію приходской жизни. Но каково теченіе этой жизни, говорятъ событія минувшихъ и грядущихъ дней.

Едновѣрїе нужно поддержать. Мы, едновѣрцы города С.-Петербурга, входящіе въ Синодъ съ нашимъ ходатайствомъ, а равно и едновѣрцы прочихъ городовъ и селъ Россійской Имперїи, имѣющіе войти съ подобными же ходатайствами, всѣмъ своимъ существомъ чувствуемъ необходимость изъятія едновѣрческихъ приходовъ для ихъ сохраненія изъ вѣдѣнія епархіальныхъ епископовъ съ цѣлью подчиненія ихъ непосредственному управленію самого Синода и сосредоточенія этого управленія въ рукахъ особаго едновѣрческаго архіерея, котораго просимъ для сего сопричислить къ Синоду въ качествѣ члена безъ епархїи.

Дѣло, однако, не въ одномъ учрежденїи. Успѣхъ Едновѣрїи будетъ зависѣть въ той же мѣрѣ и отъ лица, которое будетъ управлять Едновѣрїемъ въ зависимости отъ Св. Синода. Просимъ Св. Синодъ разрѣшить намъ указать это лицо.

Монастырскіе устои жизни прїятны народу. Чѣмъ дѣлать народною церковью австрійскую церковь, пусть будетъ такою церковью общество едновѣрцевъ, церковь православная, возглавляемая и управляемая самимъ Синодомъ черезъ руки едновѣрческаго епископа.

Смирено припадая къ стопамъ Вашего Святѣйшества, усердїйше просимъ Васъ исполнить наше многолѣтнее прошеніе. Объ епископѣ просили въ лицѣ инока Никодима въ царствованіе Государыни Екатерины II-й. Объ едновѣрческомъ епископѣ прошено было и въ царствованіе Императора Александра I. Влагословенный въ 1824 году обѣщаль исполнить просьбу, но смерть его и слѣдующее царствованіе далеко отодвинули это дѣло. Были ходатайства объ этомъ предметѣ въ царствованіе Государей Александра II-го и Александра III-го. Въ прежнихъ прошенїяхъ, за исключеніемъ 1824 года, едновѣрцы просили или самостоятельную отъ Синода іерархію (1864 г.), или же викарныхъ бесполезныхъ для Едновѣрїи епископовъ (1890 г.), или хореепископа (въ 1873 г.), урядниченнаго соборами. Въ настоящее время мы просимъ законнаго, мы просимъ руководителя для Едновѣрїи, просимъ управитоли ему, просимъ сосредоточить управленіе едновѣрческими приходами при Синодѣ. Военное духовенство хитроискусуетъ отъ епархіальныхъ епископовъ, но управляется по особымъ соображеніямъ однимъ лицомъ. Соображенія не меньшей важности заставляютъ просить однообразнаго, исходящаго отъ одного лица управленія и для Едновѣрїи.

Усердїйше просимъ Ваше Святѣйшество, поддержите Едновѣрїе не ради его обрядовыхъ особенностей: двуперстія и проч., но ради того благочестиваго настроенія, какое живетъ въ немъ. Пусть оно блудетъ, какъ образецъ древнихъ церков-

ныхъ устоевъ, образецъ достойный соревнованія и во всякомъ разѣ не уничтоженія и постоянного искорененія со стороны многихъ изъ представителей епархіального управления.

Молимъ Ваше Святѣйшество, да будетъ, якоже просимъ.

Письма.

I.

Прошу Редакцію напечатать слѣдующее мое заявленіе.

Прочитавши всѣ №№ Вашего журнала, я удивляюсь, почему Вы не напишете о самомъ главномъ, т. е. о ходатайствѣ Единоѣрцевъ касательно самостоятельнаго епископа. Въ какомъ положеніи оно—у Васъ ни слова. Вотъ о чемъ нужно бы Вамъ написать. Это больше всего интересуетъ насъ, Единоѣрцевъ.

Такое время пришло. Я уже писалъ, что слѣдуетъ войти нашимъ уполномоченнымъ съ ходатайствомъ о единоѣрческомъ епископѣ къ нашему Всемилюстивѣйшему Монарху.

Обращались-ли наши уполномоченные или нѣтъ? Предприняли ли они что-либо въ этомъ важномъ дѣлѣ? Прошу Редакцію „Глаголь Времень“ разъяснить въ первомъ же №-рѣ, въ какомъ положеніи хлопоты о епископѣ и что требуется, чтобы ускорить его и какія препятствія встаютъ на пути нашихъ уполномоченныхъ. Мнѣ кажется, что наши уполномоченные очень медлятъ, не такъ настойчиво требуютъ и мало объ этомъ заботятся. Прошу ихъ, а также о. С. Шлеева—не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, а немедленно войти съ новымъ ходатайствомъ объ этомъ.

Разъ старообрядцы получили свои права, почему мы не можемъ имѣть своихъ правъ? Ужели православные епископы и митрополитъ Антоній не сознаютъ важности дѣла, тѣшатъ лишь свое самолюбіе и забываютъ, что могутъ навсегда потерять Единоѣрцевъ. Неужели намъ, Единоѣрцамъ, снова нужно переходить въ старообрядчество, уходить въ „Австрійщину“, чтобы сохранить свое древнее православіе, сократить упорство архіереевъ и имѣть своего единомысленнаго епископа?

Вашъ подписчикъ,

Павелъ Ѡ. Толмачевъ.

г. Симбирскъ,
10 Декабря 1906 г.

II.

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ!

Газета „Русское Знамя“ въ № 306 помѣстила замѣтку „Внѣ политики“. Въ ней о. П. Аксеновъ и я обвиняемся въ исключеніи молитвы о царствующемъ домѣ на великомъ выходѣ.

Если поставимъ силу патріотизма въ зависимость отъ поминовенія царствующаго дома на великомъ

выходѣ, то можно заподозрить въ не патріотизмъ и самихъ православныхъ. Вѣдь и они многое исключили изъ чина великаго выхода.

Прежде на великомъ выходѣ въ великороссійскихъ церквахъ поминался весь Царствующій домъ поимянно, а въ настоящее время этого уже нѣтъ. По именамъ поминаются лишь Царь, Царицы и Цесаревичъ.

Авторъ статьи притомъ сказалъ неправду, утверждая, что поминовеніе Царской Фамиліи на великомъ выходѣ принято въ Никольской Един. ц., что на Николаевской ул., съ самаго основанія храма всѣми единоѣрцами съ величайшимъ благоговѣніемъ. Изъ автобіографіи о. Т. А. Верховскаго видно совсѣмъ другое. Единоѣрцы г. С.П.Б., прихожане названной церкви въ началѣ не имѣли обычая совершать великій выходъ съ молитвой о Императорскомъ домѣ, (стр. 330). Въ Никольской единоѣрческой церкви, что въ Захарьевской ул., и Димитріевской, что на Б. Охтѣ выключки царской фамиліи на великомъ выходѣ нѣтъ до сихъ поръ. Между тѣмъ Николо-Мировская—самая старшая церковь въ С.П.Б. А авторъ замѣтки пишетъ: „въ самыхъ старыхъ единоѣрческихъ приходахъ великій выходъ совершается по принятому чину, т. е. съ молитвой объ Императорскомъ домѣ“!? Волковская единоѣрческая церковь по старшинству вторая въ г. С.П.Б. Николо-Мировская основана въ 1799 году, а послѣдняя въ 1802 году. Однако и въ этой послѣдней великій выходъ сталъ совершаться по принятому чину лишь при Благочинномъ Нильскомъ, лѣтъ 15 тому назадъ. Итакъ, о. П. Аксеновъ и я въ этой области, какъ и во всякой другой, никакихъ новшествъ не вводили. Завели лишь однообразіе съ прочими единоѣрческими приходами г. С.П.Б. Авторъ статьи и въ срединѣ замѣтки говоритъ неправду. Онъ утверждаетъ, что съ самаго начала священствованія въ С.П.Б. я пересталъ на в. выходѣ помянуть Царствующій домъ. Лишь годъ спустя по переходѣ, по просьбѣ прихожанъ я послѣдовалъ примѣру о. Петра—сталъ говорить на в. выходѣ исключительно слова, положенныя въ старопечатныхъ служебникахъ¹⁾.

Авторъ замѣтки не стѣсняется говорить неправду и дальше. Онъ пишетъ: „Новаторы составляютъ свою партію, дѣйствуютъ какъ-бы подъ видомъ оживленія единоѣрія, а на самомъ дѣлѣ... изъ-за упорнаго стремленія сократить молитвы за Царствующую семью“. Сколько намѣреннаго и не намѣреннаго непониманія дѣла. Сколько лжи и клеветы. Во всемъ видятъ одно—лишь плохое. Впрочемъ, уличить насъ на самомъ дѣлѣ въ составленіи партіи изъ-за упорнаго стремленія сократить молитвы за Царскую семью не по силамъ самымъ отъявленнымъ врагамъ.

Пусть одѣнутъ 1000 очковъ и все таки этого не увидятъ. Ибо этого нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Пусть вмѣстѣ съ нами въ измѣнѣ винятъ всѣхъ старообрядцевъ, всѣхъ тѣхъ, кои совершаютъ службу Божію по старымъ книгамъ. Пусть враги наши винятъ въ неуваженіи къ Царскому Дому первыхъ пять русскихъ патріарховъ, изъ коихъ первые три:

¹⁾ Царская Фамилія по старымъ книгамъ поминается на великомъ выходѣ только въ ея присутствіе въ храмѣ.

Иовъ, Гермогенъ и Филаретъ жили во время лихолѣтія, въ началѣ XVII вѣка!

Пусть прежде ихъ осудятъ, а потомъ уже насъ винятъ и порочатъ.

Староста М. М. Диковъ и другіе единовѣрцы потому просили насъ не поминать царской фамилии на в. выходѣ, что это такъ требуется уставомъ св. отецъ.

Не старайтесь г. авторъ! На основаніи совершенія нами великаго выхода по старопечатнымъ служебникамъ въ недостатокъ патріотизма насъ трудно укорить и обвинить.

Примите Г. Редакторъ выраженіе чувства благодарности и пр.

Свящ. С. Ив. Шлеевъ.

Редак.-изд. Вас. Пав. Медвѣцкій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Единовѣрческая деревянная церковь въ селѣ Сосновскомъ, Ялutorовскаго уѣзда, Тобольской епархіи, пришла въ ветхость. Постройка новаго храма вмѣсто ветхаго необходима. Приходъ весьма разбросанъ, малочисленъ и бѣденъ, о постройкѣ храма своими средствами нечего и думать, поэтому прихожане обращаются къ благотворителямъ и покорнѣйше просятъ оказать посильную помощь въ постройкѣ новаго храма, надеются, что не оскудѣла еще благотворительность въ сердцахъ православныхъ христіанъ и увѣрены, что найдутся многіе благодѣтели, которые откликнутся на доброе дѣло и пришлютъ свою посильную лепту.

Пожертвованія просятъ высылать на имя редакціи настоящаго журнала, или непосредственно на имя строительнаго комитета по постройкѣ вышеозначеннаго храма.

Адресъ: Ново-заимское почт. отд. Тобольской губерніи.

Справедливость изложенныхъ въ настоящемъ воззваніи свѣдѣній Тобольская Духовная Консисторія удостовѣряетъ, съ приложеніемъ казенной печати.

11 октября 1906 года.

Членъ Консисторіи, Свящ. *Евг. Фениксовъ*.

И. д. Секретаря *Ивановскій*.

Столоначальникъ *М. Ефремовъ*.

Меблирован. комнаты

„ЦЕНТРАЛЬ“.

Литейный пр., д. 18, четвертый отъ Невскаго, отъ 1 до 10 р. сут., мѣсяч. уступка.

Типографія Сиб. Училища Глухонѣмыхъ (М. Алеевой), Мойка, 54.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

1907 годъ

на еженедѣльный журналъ

„Глаголь Времень“.

ОРГАНЪ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ отъ 2 до 3 печатныхъ листовъ большаго формата по слѣдующей программѣ:

1) жизнь человѣка, какая она есть и какой должна быть. Церковь и школа, какъ имѣющія значеніе первыхъ воспитателей и наставниковъ въ жизни правды, свѣта, любви. 2) Великороссійская церковь. 3) Единовѣріе. 4) Старообрядчество. 5) Сектанство. 6) Инославный міръ. Значеніе ихъ въ смыслѣ осуществленія этихъ началъ и проведенія ихъ въ жизнь. 7) О самовоспитаніи и самообразованіи: а) воля, воспитаніе умственное, нравственное и физическое; б) дѣти и ихъ воспитаніе; в) родители и окружающая среда, влияющая на воспитаніе подросткающаго поколѣнія. 8) О познаніи міра видимаго и невидимаго: а) душа наша, какъ познавательная способность; б) что мы знаемъ и что могли бы знать при развитіи и воспитаніи нашихъ духовныхъ силъ. 9) Вопросы философіи и психологіи и какъ при ихъ помощи можно видѣть явленія нашей жизни въ дѣйствительномъ свѣтѣ. 10) Хроника. 11) Лѣтопись жизни Единовѣрія. 12) Отвѣты и запросы. 13) Вѣсти по приходамъ. 14) Библиографія. 15) Объясненія.

Кромѣ журнала „Глаголь Времень“, выходящаго еженедѣльно, открыта подписка на журналъ съ особыми ПРИЛОЖЕНІЯМИ о жизни и бытѣ единовѣрія, сектанства, старообрядчества и прочее, имѣющими выходить отъ двухъ до четырехъ разъ въ мѣсяцъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

Съ ПРИЛОЖЕНІЯМИ съ доставкой и пересылкою: на годъ—шесть руб., на полгода—четыре рубля, на одинъ мѣсяцъ—70 коп. Отдѣльный номеръ 15 копеекъ.

БЕЗЪ приложеній съ доставкой и пересылкою: на годъ—пять руб., на полгода—три руб., на одинъ мѣсяцъ—50 коп. Отдѣльный номеръ 10 коп.

НА ОДНѢ ПРИЛОЖЕНІЯ съ доставкой и пересылкою: на годъ два руб., на полгода одинъ руб. Отдѣльный номеръ 5 копеекъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Ив. Ив. Артемьевъ, С. Батуриный В. О. Боцяновскій, Б. Ф. Гейеръ, Ахилла Десницынъ (псевд.), М. М. Крамалей, Б. Коршуновъ, свящ. Яр. Ив. Медвѣдь, К. А. Максимовъ, Василій Мед., Ив. Осиповъ, В. П. Подольнинъ, свящ. Ян. Мат. Свѣтловъ, З. В. Соловьевъ, свящ. М. П. Чельцовъ, Вас. Чехъ, свящ. Сем. Ив. Шлеевъ и другіе.

Подписка принимается во временной Конторѣ „ГЛАГОЛА ВРЕМЕНЬ“: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 22, кв. 2.